

Русские в Германии Часть 2

Беседа с протоиереем Николаем Артемовым, ключарем мюнхенского кафедрального собора в честь новомучеников и исповедников Российских (РПЦЗ)

Протоиерей Николай
Артемов

– Можно ли сказать, что те русские, которые сейчас приезжают из России, по сравнению, скажем, с эмигрантами первой четверти XX века или с теми, кто попал в Германию во время Второй мировой войны, сильнее заражены духом приспособленчества, и они с большей легкостью готовы отречься от своей русскости, или просто не знают как ее поддержать, сохранить?

– Думаю, что да. Определенно так. Выветрилось сознание. Это совершенно другие люди по сравнению с эмигрантами первой волны, изначально идейной и сопротивляющейся. А кроме того, после революции русская интеллигенция стала возвращаться к вере. Да и корни еще были, хотя часто и подрублены, но все же не полностью отрублены. К тому же первая эмиграция бедствовала по-настоящему. Бедствовала и вторая эмиграция. Это все было очень, очень тяжело и сложно. И в активной своей части, конечно, первая эмиграция сохраняла и веру, и русскость, держалась своего.

Я видел тех стариков – это было поразительно! Хоронил их потом. Вспоминаю и оригиналов: они, даже женатые на каких-нибудь баварках, устраивали себе такие дома, такие огороды, которые можно было увидеть только в России. У нас в Мюнхене жил один такой оригинал – о нем телевизионный фильм в России показывали – Тимофей Васильевич Прохоров. Казак, избежавший послевоенной репатриации,

бородатый, его даже принимали за священника... Он был просто крепким казаком, с определенной жизненной мудростью и хитрецей. Устроил себе тихий уголок, где была просто настоящая Россия: заборчик, калитка, домик, розочки да ульи, огородик... и среди всего этого – деревянный храм. Сейчас это место охраняется городом как достопримечательность. Когда в 1972 году была Олимпиада в Мюнхене, там хотели строить ипподром. Но как только выяснилось, что там живет человек и его будут выселять, люди ополчились в защиту, журналы и газеты стали им интересоваться. Архитектор нашел решение, чтобы это место сохранить, Тимофей приобрел колоссальную известность, а его жена-баварка, по сути дела, обрусела.

Были и другие, не такие известные люди, сохранившие и себя, и свой русский быт в совершенно инородной среде. Я их причащал, они приезжали в церковь, я потом приезжал к ним домой и смотрел на все это с большим удивлением.

Но следующим поколениям пришлось, конечно, сложнее. Люди попроще не могут сохранить русскость своих детей. И мне тоже пришлось бороться за своих детей в школе. На меня и жену нажимали, когда дети учились в первом классе, чтобы мы говорили дома с детьми по-немецки. Бред какой-то! Кажется, теперь баварское министерство культуры взяло другую линию: сохранение родного языка. Поняли, что двуязычность не мешает.

Но установки общества меняются очень медленно. И дело же не только в языке, а в жизненных установках. Вот мы и боремся, церковно, за родителей, которых надо научить бороться за своих детей в этой среде. Конечно, здесь нет православной среды. Ребенок почти постоянно купается в совершенно чужеродной среде. Конечно, так или иначе, рано или поздно все заражаются этим духом. К тому же, игры, компьютеры, интернет... Эта борьба требует очень много сил, и многие тонут. Но тонули и раньше. Иногда, спустя какое-то время, выныривают потомки кого-то.

Тут бывали интересные случаи. Например, в Мюнхене. Отец, при немецкой жене, которая не говорила по-русски, ежедневно работая, вечерами так интенсивно общался со своими детьми, что сохранил им русский язык. Крайняя редкость.

Вот все это, в сущности, задачи нашей миссии. Конечно, мы пытаемся, хотя бы отчасти, создавать свою русскую православную среду, микро-среду через детские лагеря, а также через наши школы, преподавая закон Божий, русскую историю, русскую литературу, русский язык...

– Какие школы Вы имеете в виду?

– При приходсах. Приходские школы.

– А к государству они имеют какое-нибудь отношение?

– Никакого. В некоторых землях Германии мы пересекаемся только на уровне закона Божия. Я рос в Гессене, получал в школьный табель отметку по православному закону Божию, которую мне ставил священник, преподававший во Франкфурте, протоиерей Леонид Игнатьев.

У нас в Баварии программа православного закона Божиего представлена, государством признана, и мы преподаем его от первого класса до тринадцатого включительно – это период учебы в гимназии. В Германии до сих пор школьное обучение длится тринадцать лет. Ну, а потом уже университет. И вот, можно сдавать закон Божий почти на университетском уровне. Министерство культуры признает наши программы, а наша отметка вписывается в табель окончившего гимназию ребенка. В мюнхенской приходской школе занимаются около 132 детей. Они учатся в разное время, в основном в субботу. Помещений при храме не хватает. Мы сейчас собираемся пристроить еще один деревянный домик, чтобы иметь лишний класс.

Думал я о том, чтобы запросить разрешение и перейти в школу по соседству на эти субботы, потому что у нас в каждом углу храма, придела, зала, в маленьких классах, в двух помещениях библиотеки кто-то преподает, кто-то учится. Но главное возражение против переезда в другие помещения: пусть дети будут при храме – это такая ценность!

И опять мы возвращаемся к проблеме языка. Она была и раньше в скаутских лагерях. Русские дети, не имеющие достаточного знания русского языка, постепенно переходят на немецкий, все больше теряя русский. И каждый преподаватель стоит перед суровым выбором: может ли он преподавать закон Божий в рамках русскоязычной группы?

Один грамотно пишет, читает и понимает по-русски, а рядом сидят двое, простите за выражение, оболтусов, которые на 60 процентов не понимают. Я их всегда прошу: если вы какое-то слово не знаете, – скажите, я вам объясню, вы должны научиться понимать по-русски. Я стараюсь их поддерживать, не даю им утонуть.

Родителей тоже приходится уговаривать: «Надо каждый день с ребенком читать, надо дома его учить, заниматься с ним!» – «А знаете, ему неинтересно, он ничего не понимает». Говорю: «Читайте ему, говорите с ним побольше, упражняйтесь, начнет понимать, он же ребенок, перестаньте вставлять немецкие слова в русскую речь!» Отвечают: «Батюшка, у нас времени нет». У них, видите ли, времени нет. Они слишком заняты устройством своей жизни, да и телевизор посмотреть надо... Это у меня времени нет – слушать бесконечные отговорки!

Я постепенно старею, борода белеет, а я наступаю, настаиваю... Но, честно говоря, руки у меня и у матушки порой начинают опускаться. Это непробиваемо, если люди сами не хотят сохранить свой язык. В Германии сейчас масса людей, которые говорят на каком-то диком смешанном языке (надо бы словарик составить).

Но, повторяю, дело не только в языке, но и в установках. И вот, естественно, дети расползаются кто куда. Так было и в предыдущем поколении. Часто бывает так: старший ребенок еще говорит на ломаном русском и понимает неплохо; второй понимает, но говорит только отдельные слова; третий еле-еле что-то понимает и совсем не говорит; четвертый, если есть, не понимает и не говорит. И это потому, что они между собой уже общаются по-немецки.

Но есть у нас и обратные примеры. Помню, лет двадцать назад, схватил однажды такого мальчишку, второго по счету ребенка, когда он разговаривал с младшим братом по-немецки. Говорю строго: «Что ты делаешь? Ты же лишаешь своего брата такой ценности! Не смей говорить с ним по-немецки!» Сделал обширное наставление. А теперь утешаюсь: до сих пор оба говорят по-русски. Один поет в церковном хоре, другой иподиаконствует.

Ну, и маленькие прислужники, конечно, между собой, в пономарке или проходе за алтарем паки и паки чирикают по-немецки. Я им всегда напоминаю: «Вы в церкви!»

И нас в свое время постоянно одергивали. Мы в футбол гоняем, кричим: «Tor! Tor!» – это по-немецки «гол», а тетя Маша кричит из окна: «Мальчики! Это по-русски «гол»!» Хотя гол – английское слово.

Когда язык уходит, человек может иногда сам потом встрепенуться. У меня так было, лет в 13–15 у меня стал портиться язык. Я это как-то понял и вернул его уже своими усилиями, правда, с помощью окружения. А сейчас это окружение совершенно другого порядка. И вот плывешь, плывешь, выбиваешься из сил, кого-то удерживаешь... Но это и есть наша внутренняя миссия.

Недавно был такой случай: приходит человек, женившийся на русской, у них родился ребенок. Он говорит: «Я хочу принять Православие». Я говорю: «Вот так, вдруг?!» – «Да, вместе со своей новорожденной дочкой.

Мы же не можем ждать год-полтора, как обычно мы это делаем». – «Как же так? Вы и на службу до сих пор как следует не ходили». (Хотя он уже ходил месяца полтора, я его в храме видел.) А он мне говорит: «Вот я ходил в русскую школу Ксении Сергеевны. Я даже знаю «Царю Небесный». По-русски». По-русски он не говорит – он немец, по вере протестант, но ходил на закон Божий в нашу приходскую школу, что-то осталось, и вот тяга проявилась сейчас. Адвокат. Так что я быстро его принял в общение, и он очень хороший прихожанин.

– А он в детстве ходил в русскую школу?

– Да, когда ему было лет десять, он соприкасался с мюнхенской русской школой, потому что бабушка была православной. Ходил он, наверное, совсем не долго и не регулярно.

Школа, между прочим, была основана тем же отцом Александром Киселевым сразу после войны и продолжала действовать под руководством одной из тогдашних преподавательниц – Ксении Сергеевны Ландезен, которая занималась ею, пока ей не исполнилось девяносто лет.

Итак, плоды могут проявиться гораздо позже. Наше дело – звать людей. Но боль в том, что с родителей убеждать (а это так необходимо!) очень и очень трудно. От этого страдает регулярность посещения школы. Нерегулярность – гроб для школы.

А вообще-то, детей много. И на службах их у нас много. И становится все больше, православные, вроде, начинают больше рожать. Это отрадно.

Недалеко от Мюнхена, в Аугсбурге, одна инициативная прихожанка открыла недавно русскую школу. Сейчас там учится около сотни детей.

– Вы рассказали о немце с русской бабушкой. Но переходят ли чистокровные немцы в Православие?

– Еще бы! Первыми назову двух архиереев нашей епархии митрополита Серафима (Ладэ), который возглавлял Германскую епархию с 1938 по 1950 год, и ныне возглавляющего ее с 1982 года архиепископа Марка. Пусть это случаи особые. Но ведь каждый человек – особый случай в Церкви.

А бывают и крайне оригинальные случаи. Года три назад я крестил одного человека, который приехал в Германию, потому что хотел стать гонщиком. У него мама немка, отец португалец, сам он из Южной Африки. Пожил несколько лет в Германии, крестился. Очень хороший парень. Но, увидев, что в Германии у ничего не складывается, он вернулся в Южную Африку. И сейчас он ходит к отцу Иоанну (клирику Московского Патриархата, посланному из Москвы в Южную Африку), прислуживает там в храме. А сам отец Иоанн прибыл туда неделей раньше. Так что мой бывший прихожанин прибыл сразу на новообразованный приход. Таких единичных случаев не перечесть.

У нас обычно так бывает: немец приходит – забрел по какой-то причине, где-то что-то о нас слышал... Мы проводим семинары на немецком языке, рассылаем приглашения по университетам для славистов и богословов. Набирается человек 25–30. Читаем доклады. И из этих семинаров по капельке приходят люди, они друг друга тянут. И потом активизируются. Один из посетителей наших семинаров, которого я потом крестил, несколько лет спустя венчался в нашем кафедральном соборе с православной девушкой, а теперь рукоположен в диаконы, учится в академии в Троице-Сергиевой лавре.

Немцы, вообще, достаточно активный народ. Они знают церковнославянский и умеют петь на клиросе, знают гласы, читают с листа тропари...

– Будучи уже православными?

– Будучи православными. Я их принимаю в Православие. В хорах должны петь православные. Я в Висбадене несколько

лет управлял хором, пока учился, у архимандрита Марка, теперь архиепископа. Там я нашел в каких-то закромах ноты, написанные еще в XIX веке. Под нотами – немецкие буквы пером! Да и другие, более поздние, напечатаны на машинке немецкими буквами с ужасающей, как славист говорю, транскрипцией: «Ische cheruwimi» – «Ише хэрувими», и тому подобное. Сейчас такого у нас не водится. Немцы становятся православными, выучивают кириллицу и спокойно поют. Это, впрочем, не значит, что они говорят по-русски.

– Совершенно очевидно, что Европа, народы ее населяющие, переходят как бы уже в постхристианскую эпоху, но тем не менее между итальянцами, испанцами, французами, норвежцами и другими европейцами все равно в отношении ко Христу, в отношении к христианским ценностям существуют определенные различия. Как Вы можете охарактеризовать немцев в этом отношении, насколько они еще остаются христианами, насколько они вообще открыты к христианству? Можете ли Вы оценить их религиозное состояние?

– Для того, чтобы ответить на этот вопрос, следовало бы обратиться к серьезным социологическими исследованиями, проведенным по всем законам этой науки. Этого я сделать не могу. Но отмечу кое-какие моменты из своего ежедневного опыта.

В Европе весьма трезвый подход к религии. Социальный подход. Вера выхолащивается. Недавно мне один француз, ставший православным и даже священником, сказал: «В западных храмах нет соборности, нет общего порыва к Богу, есть индивидуумы перед Богом. Стихию веры я видел только в России. Это – Церковь, тело Христово. На Западе говорят о народе Божиим и о теле Христове, но на деле его здесь нет. Каждый сам по себе».

В этом есть правда. И еще одно наблюдение о связи догматики с нравственностью: и у протестантов, и у католиков

социальный момент чрезвычайно силен, как на уровне прихода, так и на личном уровне – доброделание, так сказать. Но вот штука: когда католики жертвуют собой, то оказывается, что они блюдут свой интерес, и как-то никуда от этого не уйти. Своя правота, самооправдание частенько забывает способность к покаянию. Это обще-западное начало – самоутверждение. Но ведь здесь много просто общечеловеческого. И, должен сказать, многое в новоприбывших из России людях мне представляется специфически западным.

Христианство – оно на Западе хотя и уходит, но все же на уровне традиции присутствует. Церковно-государственные взаимоотношения, по-моему, прекрасно отработаны в Германии, лучше, чем во Франции, несущей бремя своей бывшей революционности. Англия со своим историческим грузом тоже уже не справляется: с одной стороны, там существует Церковь государственная, официальная, с другой стороны, полный развал в духовно-нравственном отношении. Но зато – традиция! У итальянцев в отношении к папе Римскому схожее, просто народ более восторженный, эмоциональный. А вместе с тем, везде в Европе есть глубоко верующие люди, и немало их. В частности, среди баварских крестьян повсеместно встречаются люди, дорожащие своим отношением ко Христу и Евангелию, к своей общине церковной. Они даже страдают от окружающей их поверхностности, а поскольку их не так мало, можно было бы с ними вместе побунтовать...

Но посмотрим реально: в западном христианстве уже более тысячи лет прорастают многочисленные, сплетенные корнями сорняки. Традиция – это хорошо. Это лучше, чем беспочвенность. Но я, как русский, все же немного и революционер (православный, конечно!), и поэтому спрашиваю себя: что дает традиционность, если это – устроенность в ней?

Не мешает ли она главному? В конечном итоге – не с кем и бунтовать будет, одно и то же получится.

И вот что я могу сказать по вопросу стратегии в отношении экуменизма.

Сколько раз приходилось слышать – да каждый день это же самое! – «Бог-то у нас всех один». Нет в этом правды. В этом есть неготовность думать о правде. Всеядность. Но при этом католик остается католиком, а протестант – протестантом. Каждый в своей традиции. А если устроят ту кашу, которую хочет «мир сей», что это даст? На этом фоне весьма трудно бывает тем, кто переходит в Православие. У них же родители, родня...

Впрочем, я все это давно воспринимаю как элементарную данность. К примеру, на Пасху (западную, по-немецки – «Остерн») ночью предлагается «Остердискотек», фильмы завлекательные. А комсомольцы разве не устраивали в 20–30-е годы в пасхальные дни «танцульки», не крутили кино в клубе? В Германии, в магазинах, что делается? Чуть только исчез блеск освещенных елочек и американских Санта-Клаусов, согласно кока-кольной рекламе красно-белых (традиционный Николаус у них ведь в синем облачении ходил), – и сразу же переход на «Фашинг»: всякие маски, костюмы, чертики, дудки и пистолетики, словом – полный карнавал, хотя постов-то практически и не существует вовсе. А затем, тоже без перерыва, плавный переход к желтым цыплятам, коричневым зайцам, яйцам и прочему, что относится к пиару Пасхи. Золотыми шоколадными упаковками готовимся к «Остерн».

Но можно и не заметить, что Пасха связана с Воскресением Христовым и вообще со Христом. Зато зайца, который вроде бы яиц не несет, не оторвать от немецкой Пасхи, он так и называется: «Osterhase» («Остер-заяц»). Наименование праздника производят от языческой богини Аустерии, иначе говоря, празднуйте ребята! «ХВ» на весеннем пирамидообразном творожном изделии в СССР расшифровывали когда-то как «Хвала Весне!» То, что в Советском Союзе было обманом и подменой, здесь является такой естественной реальностью, с которой не поспоришь. Разве ты встанешь в

магазине с плакатом «Долой цыплят и зайцев!»? Конечно, нет.

Бороться как бы не с кем и не с чем. Да и надо ли так «бороться»? Христиане в Римской империи жили просто помимо язычества – своей жизнью. А еще я думаю, взирая на новоприбывших: «Ну, хорошо, у них сейчас нет традиций. А если мы дадим им традицию, и они воспримут ее именно как традицию, что тогда?» Если люди довольствуются земным и общественным, чем ты их разбудишь? Традицией? Она их усыпляет!

Но вот и еще одно недавнее переживание: одна молодая женщина, увидев во мне священника (всегда хожу в рясе или подряснике), вступила в разговор. Узнаю, что она недавно догадалась: «Вайнахтен» (дословно: священная ночь, то есть Рождество), оказывается, связана каким-то образом с рождением Иисуса Христа. Это всерьез, это для нее открытие! Я, немало подивившись, спросил у нее, не из Восточной ли она Германии? Там вера выветрилась ужасающим образом. Нет, она из северо-западной индустриальной зоны. Родители – неверующие. Бабушка была верующая. Видимо не смогла передать свою веру. Еще спросил свою 25-летнюю собеседницу: «Ходила ли она на уроки закона Божиего?». Ходила на этику. Наверное, урок о христианстве она пропустила.

А у нас в храме недавно приходили люди, которым кто-то велел поставить свечи Христу и Спасителю. Вопрос: «А где они здесь? Подскажите!»

Но за последние года четыре ситуация у нас улучшилась. Такова действительности. На таком общем фоне существуют и традиционные христиане, и эзотерические секты, процветает колдовство, доходит дело и до сатанизма. К древне-немецкому празднику Всех святых (Allerheiligen), поминовению усопших 1 ноября, плотно прилепился ирландско-американский праздник мертвых духов Хеллоуин, и даже в Баварии повсюду тыквы, дети ходят переодетые духами и

ведьмами, дыша угрозами и ожидая себе конфеток. Безобидная забава! А ведь когда приемлется такое соседство, уходит нечто духовно существенное. Я это особо ощущаю: для меня эта ночь прочно связана с убийством Хосе Муньоза, которого я лично знал.

Вот тот мир, в котором мы живем. И присмотритесь: там, где ищут духовности в католичестве, набредают не только на Иисусову молитву. Точно так же и даже шире там распространяются дзен-буддистские формы медитации, в частности у иезуитов. Евангелические сестры (полумонахини) усердно занимаются тай-чи. Это говорит о многом, о той же всеядности. Не думаю, что ошибусь, если скажу, что все мало-мальски духовное у брата Рожэ, что предлагают в Тэзэ, несущем вроде бы некое обновление веры, на самом деле взято из Православия.

Но, конечно же, все описанное мною, известно и вам, и пышным цветом цветет у нас же – то есть в нашей России. Оказывается, наша современность, здесь и там, во многом та же. Замечу, что и на юго-востоке Европы, в традиционно-православных странах воцаряется подобный дух. С этим приходится жить. Вижу, что не только в Западной Европе вера уходит. А в России вижу перспективы возрождения те же, что и в среде собственной новоприбывшей паствы. И возрождение в России важно для этих стран и, конечно, для Западной Европы тоже.

Но не хотелось бы, чтобы сказанное мною было воспринято слишком в отрицательном ключе. Много хорошего в традиционности, в праздниках, в том же Рождестве, столь семейно воспринимаемом, или в ухоженных кладбищах, где могилки в цветах и с горящими лампадками, и особенно 1 ноября: кладбище – это море красных огоньков. В этот нерабочий день я бывал в Альпах: такая красота смотреть сверху вечером на эти деревенские кладбища, расположенные на склонах или у подножья гор. Хороша добротность во всем, хороша социальная деятельность. Она необходима. Необходимы и детские сады, и молодежные группы, и забота о

стариках. Организации всего этого нам надо у Запада поучиться, но нам непременно надо при этом сохранять свою суть, свой дух. Вот наша задача: вырастить самое лучшее. Видите ли, я этих своих немцев – ведь они мне тоже свои, поскольку я среди них вырос, – по-своему люблю, и жалею, и в обиду не дам. Но потому-то и горько мне, что настоящие, серьезные христиане в немецкой среде, для которых их христианство не исчерпывается внешней этикой и социальностью, слишком редки и даже столь же одиноки в этом обществе, как каждый из нас, чужаков-русских.

– И такие одиночки, если я правильно понимаю, приходят в Православие?

– Обычно они все же остаются верны своим конфессиям. Переход труден. Но серьезный подход приближает к Православию. И вот Бог призывает человека, и он вдруг слышит Божий зов, и Церковь его начинает привлекать. Мне кажется, Православие как таковое, и особенно русское, чем-то притягательно для немцев своей спецификой: они приходят через пение (любят пение православное), приходят через иконопись, встретившись с которой, понимают, что иконопись правильно воспринимается только в контексте богослужения, через храмовое действо, как писал отец Павел Флоренский. Такие остаются в храме и начинают приходить регулярно. Потом они ходят на беседы. Очень важно, чтобы у них была вот эта регулярность. Но если человек приходит по каким-то своим идеологическим причинам, вдруг там начитался чего-то...

– А какие могут быть идеологические причины?

– Скажем, начитался каких-то книг про Православие, но церковно не укореняется, у него появились свои полубогословские идеи. Но это редко срабатывает.

Бывает, что католики-традиционалисты приносят свой багаж, бьются у нас, стараясь приладиться к Православию, но все как-то не клеится, носят они в себе свое прошлое и не

могут с ним до конца расстаться. И в какой-то момент это вылезает, как шило из мешка.

Конечно, немцы сохраняют свою специфику. У них есть определенное правовое мышление. И когда они входят в православную общину, то они могут начать «качать права», что совершенно не вписывается в русское восприятие, тем более, в православные обычаи. Смирение и кротость, прочие высшие ценности Православия здесь не срабатывают! Немец требует, немец хочет порядка, немец обижается, когда порядка нет. Это может кончиться катастрофой.

Я преклоняюсь перед подвигом тех немцев в нашей среде, которые великодушием побеждают в себе некоторые свои узости. И вижу в этом тоже их специфику – конструктивность подхода. Это помогает им нести данный подвиг... если они не срываются.

– У вас есть священнослужители немцы. Как складываются отношения их отношения с русскими православными?

– Интересный вопрос. Когда, например, священник, действительно, достаточно русский, а рядом немец-священнослужитель, то они, по-моему, немало страдают оба. И в первую очередь немец страдает от нас, русских, потому что у нас есть нечто, что мы считаем подвижностью, некий своеобразный порядок: созвонились – не созвонились... Для русского эта подвижность естественна. А немец хочет знать за три недели: когда я уеду или когда я приеду, что и как планируется... Я же забываю об этом: решим все, дескать, в последний момент. Я понимаю, что обижаю его, да и он старается перестроиться, терпит меня... Но, зато, уж как и я терплю его! Как выношу его, так сказать, обидчивость, которая мне представляется совершенно излишней и ненужной! Любви у меня нет, ее не хватает, чтобы вовремя вспомнить о нем. А немец умеет и допекать, и на своем настаивать. Я, конечно, тоже уже в немалой мере европеец, и все равно все это сказывается. А каково немцу, когда не-

европеизированный русский рядом с ним?! Да, сказывается эта разница. Но можно же научиться и любить, и понимать друг друга! И тогда такая великая ценность для обеих сторон приобретается! Но золото добывается великим трудом.

С другой стороны, те же самые немцы, когда они становятся православными, нередко так «оправославливаются», что становятся даже безалаберными.

Самый интересный случай немца-клирика – это ныне почивший отец Амвросий, старший священник нашей епархии, митрофорный протоиерей, врач по образованию, больше 50 лет прослуживший у алтаря. В 18 или 17 лет, под самый конец войны, он попал в ополчение, потом – в плен к русским. Там научился говорить по-русски, воспринял Россию во всех ее качествах; вернулся, быстро пришел в наш храм, принял крещение, стал православным и довольно быстро стал священником. Не помню, сколько ему тогда было – 23 года, может 25... Еще не будучи священником, он читал доклад о Православии на одной экуменической встрече. Вообще в Германской епархии в 50–60-е годы на этом поприще была определенная активность, хотя и не в духе экуменистов последующих десятилетий.

Так вот, отец Амвросий проделал огромную работу, можно сказать, популяризировал Православие, которое тогда воспринималось как некая национально-русская экзотика. Он читал для немцев около 300 докладов в год, иногда по два доклада в день. Притом, что он был врачом гамбургского порта, так что если где-то немецкий корабль попадал в карантин, этот православный священник летел к морякам, застрявшим в заморских странах. Оригинальнейший человек! Мышление глубокое, широкое – очень интересный феномен. Его наследие еще будет приносить плоды, потому что в ходу тексты, которые он наговорил на магнитофон. Первоклассный немецкий язык, почти непереводаемый, классический, интересный! Говорил он всегда свободно и очень чисто.

Бывают священнослужители, которые перерождаются в православных людей до такой степени, что уже не ощущаешь его немцем. В нем действительно все уже настолько перегорело, что из специфически немецкого взято все хорошее и, вместе с тем, оно погружено в полную свободу. Нет ни этой обидчивости, ни брюзжания, ни требования своих прав. Такие люди у нас тоже есть, с ними очень просто общаться, они больше всех радуют.

Мой правящий архиерей, архиепископ Марк (Арндт), в детстве был воспитан в протестантизме. Пришел к нам, к молодым русским, в храм во Франкфурте, потому что решил не терять знание русского языка после бегства семьи Арндтов из Восточной зоны. После восстания 1953 года, видел танки и прочее, он отвратился от всего русского, но затем принял такое конструктивное решение. Даже до того как он стал студентом-славистом, он очень просил, чтобы с ним говорили только по-русски. А между собой мы иногда позволяли немецкий язык. Михаил Арндт – никогда. Однажды у них в молодежной группе была вечеринка. Михаил пригласил нас к себе домой. И когда отец его – профессор музыки – вошел в комнату, где собралась компания, и обратился к сыну по-немецки, Михаил, естественно, ответил по-немецки.

Моя сестра была поражена. Она воскликнула: «Миша, так ты говоришь по-немецки?» Мы его воспринимали как человека, почти не умеющего говорить по-немецки. С ним все говорили только по-русски. Он и на Афоне со старцами русскими, которые туда приехали еще до революции, общался... Он настолько воспринял вселенское Православие, что свободно говорит по-сербски и по-русски. И нигде, ни в чем я не чувствую в нем немца. Хотя он, несомненно, сохраняет очень хорошие немецкие качества. И вот этот свободный дух показывает мне, что это возможно, но очень трудоемко. Ведь он живет по афонскому уставу вот уже 30 лет. Перегореть так не всякий немец может – расплавится в таком огне.

Но при этом я задумываюсь вот о чем: а мы – русские – разве автоматически православные? Или нам тоже следовало бы еще немного расширяться от заданности к настоящей русскости в православных ее измерениях?

Хочу еще рассказать о владыке Марке то, что отметил один недавно приехавший к нам человек. Впрочем, он не единственный, кто об этом говорил. Наблюдение следующее. Владыка проповедует, а протодиакон-переводчик или я в это время переводим проповедь на немецкий язык. Владыка говорит, что молиться и проповедовать по-немецки он как следует не умеет. Что у него духовный язык и немецкий толком не вяжутся. А я поднаторел в этом и свободно его перевожу. Понимаю более-менее, что он хочет сказать. Могу даже дать кое-какие пояснения. Мне переводить его легко, благодаря опыту, приобретенному на наших семинарах, когда приходилось переводить, например, владык Афанасия, Иринейя, Амфилохия, Артемия – ведь все они, как и владыка Марк, ученики отца Иустина (Поповича). Там и выработался лексикон и понимание.

Так вот, наблюдатели говорят, что когда владыка проповедует, примерно четверть храма, может быть одна пятая часть, отходит в сторону, где я тихонько перевожу, чтобы не мешать главному. У нас, к сожалению, нет техники для этого. Этот было бы слишком хорошо. В Америке, у отца Виктора Потапова, переводчик говорит себе в микрофончик, а слушатели могут воспользоваться наушниками и слушать проповедь по-английски. А у нас отходят в сторону.

И вот стоял человек на службе, присмотрелся, пригляделся, потом сказал: «Я стоял, удивлялся и умилялся тому, что происходит: немец – владыка Марк – проповедует по-русски, а русский – отец Николай – переводит немцам на немецкий».

– А как у вас обстоит дело с богослужением на немецком языке?

– Во-первых, Евангелие у нас на каждой литургии читается по-немецки (хотя разные переводы на немецкий язык – их великое множество! – оставляют желать лучшего, и над этим работа идет). Но это самый минимум. При отпеваниях, крещениях, венчаниях, освящениях домов и тому подобном я делаю, по крайней мере, вставки по-немецки, а то и все совершаю на местном языке. Это полностью зависит от «потребителя», то есть от пропорций в национальном составе присутствующих. До венчаний этот вопрос обычно специально оговаривается. Да, европейские венчания могут быть и французско-русскими, и англо-немецкими, и какими угодно.

Обычно на других приходах также на литургиях вставляют ектенью-две на немецком языке, а в какой-то определенный день может совершаться литургия по-немецки.

В нашем соборе в Мюнхене по средам положена вечерня по-немецки. Немецкую литургию совершает отец Георгий Зайде, автор «Истории Русской Зарубежной Церкви», немец. В другом мюнхенском храме – в Свято-Михайловском, в Людвигсфельде, – отец Георгий служит по-славянски, вставляя немецкие ектеньи и Евангелие. В соборе же раннюю литургию служат по-немецки в третье воскресенье месяца. Эта служба посещается. На ней вставляется и славянская ектеня, потому что немало русских присутствует на ранней службе.

*С отцом Николаем Артемовым
беседовал иеродиакон Игнатий Шестаков*

